

УДК 316.423

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ
В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ (ПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ) И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

© 2010 г.

П.А. Селезнев

Казанский государственный технологический университет

A_Seleznev@mail.ru

Поступила в редакцию 18.03.2010

Рассмотрено становление широкого спектра общественных движений в России начиная с периода перестройки, охарактеризован процесс институционализации общественных движений и представлена обобщенная оценка их деятельности.

Ключевые слова: институционализация, общественные движения, гражданские инициативы.

Трансформации в России, начавшиеся во второй половине 1980-х гг., ознаменовались возникновением общественных движений, инициированных снизу [1]. Актуальность изучения возникновения и развития, а также практики функционирования этих движений обусловлена их значимой ролью в становлении гражданского общества в РСФСР и постсоветской России.

С конца 1986 г. в преимущественно интеллигентском кругу крупных городов стали возникать многочисленные дискуссионные клубы, которые, увеличиваясь в числе и политизируясь по характеру своей деятельности, постепенно сформировали хотя и ограниченное, но чрезвычайно интенсивное пространство общественного диалога. Очень быстро эта публичная арена превратилась в пространство зарождающегося гражданского общества, в котором формировались разнообразные гражданские инициативы.

Подъем перестроечного «неформального» движения начался в 1987 г., когда были сняты цензурные запреты и государственная власть фактически отказалась от применения статей Уголовного кодекса РСФСР, каравших за инакомыслие. «Страна в считанные месяцы покрылась сетью общественных клубов, молодежных ассоциаций, самодеятельных организаций и культурно-просветительских обществ самых разных толков и направлений». Возникшие таким образом организации и движения стали именоваться «неформальными» по двум основаниям. Во-первых, подобный статус был вынужденным, поскольку новые самодеятельные ассоциации никто не регистрировал до принятия в 1990 г. закона об общественных организациях. Во-вторых, назвавшись «неформальными», эти организации тем самым противопоставляли себя официальным советским общественным

организациям, которые на деле были продолжением государства.

Громко заявила о себе группа «Память», зародившаяся еще в конце 1970-х гг. в связи с движением за восстановление памятников русской старины и культурно-просветительской деятельностью по сохранению русского национального наследия, природы и культуры. «После 1985 г. и особенно в 1986 г. «Память» стала одним из первых массовых движений в России, включающим десятки тысяч людей и организации в десятках городов». Одним из наиболее авторитетных общественно-политических центров того времени стал также созданный в конце 1988 г. клуб «Московская трибуна». В январе 1989 г. было создано Всероссийское добровольное историко-просветительское общество «Мемориал», первая официально зарегистрированная массовая неполитическая организация в новейшей истории СССР [2].

Диссидентское движение 1960–1980-х гг. с его ярко выраженным нравственным импульсом стало предтечей массового демократического движения конца 1980-х. Оно подготовило психологическую и идеологическую почву для появления этико-политических акторов перестройки. Однако выступления диссидентов не были массовым коллективным действием. Это был глубоко личный, нравственный протест против системы. Известный правозащитник Владимир Буковский признавался: «У нас не было организации. То, что мы делали, было очень индивидуально...» [3; 4, с. 45–46].

Демократическое движение конца 1980-х гг. отождествляли с ядром гражданского общества и видели в нем главную движущую силу трансформации [5]. Наиболее мощным и видным оплотом этого движения являлась «Демократическая Россия», которая была образована как

«массовая общественно-политическая организация добровольно объединившихся партий, общественных организаций и движений, иных объединений и отдельных граждан. Задачей движения являлась координация действий по объединению демократических сил общества для проведения прогрессивных радикальных и социально-экономических реформ в России в целях создания гражданского общества» (из Устава движения) [6]. В 1990 г. «Демократическая Россия» включала в себя более 30 партий и общественных организаций [4]. Однако после августа 1991 г. наметилась тенденция спада и распада движений этого направления. Главной структурно-образующей целью движения являлось уничтожение тоталитарной системы. Выполнив свою задачу, оно начинает переживать множественные организационные, идеологические и ресурсные кризисы.

В 1987–1988 гг. в СССР начало развиваться рабочее движение, выражающее интересы всех наемных работников и противостоящее интересам ведомственного и хозяйственно-политического аппарата – номенклатуры. С лета 1989 г. после массовых шахтерских забастовок оно стало одним из влиятельных агентов социальных изменений [5, с. 553–554]. Так, забастовки в 1989 г. прошли на угледобывающих предприятиях Кузбасса, на шахтах Воркуты, в объединении «Ростовуголь» и в Подмосковном угольном бассейне. Общее же число участников забастовок в 1989 г., по данным бывшего ЦК профсоюза работников угольной промышленности СССР, составило 455 тыс. человек, забастовки охватили более 670 предприятий отрасли. Постепенно к движению примкнули машиностроители и металлурги, химики и лесопереработчики, связисты и энергетики, рабочие других промышленных сфер. Таким образом, стачечное движение приняло практически всеохватывающий характер. Однако было бы неверно представлять, что забастовочное движение все время находилось на подъеме. Оно развивалось крайне неравномерно через смену приливов и отливов, переживало как взлеты, так и падения [7].

Развитие этнических движений в республиках, входивших в состав СССР, было обусловлено начавшимся процессом дезинтеграции советского общества. Многие из них продолжают существовать и в настоящее время в различных регионах постсоветского пространства – странах Балтии, Армении, Молдове, Украине, России [5].

В отличие от других, экологические движения возникли еще в период «хрущевской оттепели», что объясняется, в частности, их мень-

шей политизированностью. Различие между экологическим движением 1960–1970-х гг. и 1980–1990-х гг. в том, что «неформалы-дружинники служили Системе, тогда как позже зеленые неформалы стали ее оппонентами», – заключает О. Яницкий [8].

В 1987 г. и особенно в 1988 г. массовые экологические акции развернулись по всей стране. Жители городов выступали против неуклонно ухудшающейся среды обитания. Экологические группы и движения появились в районах массового промышленного загрязнения: Москве, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Кемерово, Новокузнецке, Иркутске, Горьком, Волгограде, Томске и многих других крупных и средних городах. В 1988 г. около 150 экологических групп из 90 городов страны объединились вокруг лидеров возникшего еще в конце 1960-х гг. студенческого движения дружин охраны природы (ДОП) и создали Социально-экологический союз.

Экологическая проблематика стала основой для появления социального движения, достаточно массового и независимого от возникавших в этот же период политических организаций, но в то же время весьма влиятельного для того, чтобы его требования воздействовали на формирование политической повестки дня. Местные инициативные группы, выступавшие против строительства атомных станций, загрязнения окружающей среды, комитеты общественного самоуправления в микрорайонах городов, столкнувшись с нежеланием органов власти вступать в диалог по экологическим проблемам, самой логикой своих действий вовлекались в противостояние, начинали бороться против монополизма ведомств, за демократизацию общественных отношений, за свои гражданские права и свободы [2].

Исследователи выделяют этапы развития экологических движений, определяемые политическими возможностями активности, предоставляемыми режимом, – пассивная фаза 1960-х гг.; активная – 1980-х; легализация и снижение активности 1990-х гг. [9].

В России на периферии 1980–1990-х гг. появилось также женское движение. Его можно охарактеризовать как «коллективные действия, обусловленные положением женщин в обществе». А. Темкина справедливо отмечает, что такие действия могут быть направлены как на изменение существующей системы гендерных ролей, так и на сохранение сложившейся позиции женщины в обществе.

А. Темкина выделяет следующие характеристики российского женского движения: более

позднее возникновение по сравнению с другими общественными движениями, отсутствие массовой поддержки, централизованность развития (в Москве и Петербурге), идеологический плюрализм, слабое развитие феминистской идеологии, специфический репертуар коллективных действий [10; 5].

На заключительном этапе перестройки возникли группы защиты интересов женщин в разных профессиональных сообществах, различных экономических структурах и политических организациях, развивалось участие женщин в благотворительности и деятельности вновь созданных общественных организаций. В начале 1990-х гг. происходит политизация женских групп защитной направленности, они объединяются, принимают участие в выборах, в результате чего политическое движение «Женщины России» преодолевает пятипроцентный барьер и становится фракцией Думы в 1993 году. Женское движение в настоящее время само не является заметным действующим лицом публичной сферы [5].

Массовые общественные движения конца 1980-х – начала 1990-х гг. были крайне разнообразны по составу, весьма неравномерно распределены географически и несли на себе отпечаток той системы, разложение которой вызвало их к жизни. Идеи свободы и демократии, с одной стороны, лозунги самоуправления и свободы выбора – с другой, как и связанная с ними необходимость принять на себя ответственность за собственное положение и за положение в стране, были свойственны лишь меньшинству населения, наиболее активная часть которого концентрировалась в неформальных организациях. Большинство же по традиции ожидало перемен «сверху» [2]. После 1992 г. общественные движения периода перестройки в большинстве своем «ушли» с политической арены, сохранившиеся организации и их блоки оказались нестабильны [5].

Одновременно с этим следует отметить, что «общественные движения – отнюдь не новое социальное явление для россиян, даже для старших поколений». В СССР активно пропагандировался образ добровольного участия граждан в различных организациях: массовых – ВЛКСМ, ДОСААФ, Красный Крест, ВООП, специалистов объединяли в профессиональные союзы. Практически все они организовывались «сверху» – государством, а возглавляли их выделенные для этого номенклатурные работники. И во многом благодаря такому предыдущему опыту самостоятельные действия людей, объединившихся для достижения той или иной цели

в общественные организации, до сих пор в глазах большинства выглядят не вполне естественными, а потому часто воспринимаются скептически [11].

В 1990-е гг. продолжился процесс институционализации социальных движений, в том числе за счет правового регулирования их деятельности. В частности, были приняты федеральные законы: «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ, «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ, «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ. Политические движения поменяли свой статус и конституировались в партии. Начали формироваться организации общественных движений, деятельность которых была направлена на разрешение конкретных проблем. Так, экологическое движение сконцентрировало внимание на охране живой природы, создании новых и поддержании уже существовавших особо охраняемых природных территорий, экологическом образовании и просвещении, контроле над соблюдением экологического законодательства, проведении общественной экологической экспертизы. Появились организации, занимающиеся разрешением социальных проблем определенных сообществ – детей, инвалидов, женщин, соседских общин и др. Возникли также альтернативные профсоюзы, функционирующие независимо от бывших советских профсоюзов, объединившихся в Федерацию независимых профсоюзов (ФНПР) и правозащитные организации.

В СМИ крайне редко упоминалось о социальных движениях, а если и были материалы, то чаще негативного характера или с оттенком пренебрежения. В результате в обществе сформировалось недоброжелательное отношение к организациям этих движений. У большинства населения сложилось мнение, что движения преследуют лишь собственные корыстные интересы их участников. Они оказались в социальном и политическом окружении, в лучшем случае индифферентном по отношению к ним. Социальный, политический и экономический контекст их деятельности был скорее неблагоприятным, а его действующие лица – политики, чиновники, хозяйствующие и экономические субъекты – старались (хотя и «мягкими» способами) вытеснить активистов движений с арены общественной жизни или, по крайней мере, умолчать об их существовании и активных действиях на пользу общества [12].

Скептический взгляд на недавнее прошлое общественных движений в России является

весьма распространенным, если не доминирующим. Многие исследователи считают, что общественные движения в позднесоветскую (перестроечную) и постсоветскую эпоху если и существовали вообще, то всегда были крайне слабыми, малозначимыми и не представляли собой важный фактор, определяющий общую социально-политическую равнодействующую [2].

Рассматривая ситуацию в России последних лет, можно выделить протестное движение льготников против реформы социальной сферы в начале 2005 года, известное как движение против монетизации льгот. Нововведения тогда были восприняты в основном как несправедливые и вызвали сознательный отказ от адаптации к предлагаемым мерам. Массовый протест заставил государство отступить. Реформу пришлось пересмотреть; дальнейшее реформирование социальной сферы было отложено, чтобы не провоцировать народное недовольство [13]. Однако в общем итоге движение пенсионеров и ветеранов против монетизации льгот оказалось стихийным и непродолжительным.

В настоящее время в нашей стране также существуют протестные движения. Наиболее часто упоминаются следующие из них: публичные выступления против повышения коммунальных тарифов, акции автомобилистов и обманутых дольщиков [13]. Имеют место движения против «точечной» застройки и принудительных выселений, экологические инициативы в защиту среды обитания, новые профсоюзы, а также протесты против милицейского произвола [2].

Ведущим координатором новых гражданских инициатив в России стал Совет общественной солидарности (СОС), образованный в 2004 году с целью создания единого протестного поля и развития солидарности между участниками коллективных действий. Это всероссийская организация, представляющая собой достаточно централизованную сеть, основанную на сотрудничестве в основном между руководителями организаций [14]. В состав Совета входят Всероссийское общество инвалидов; Всероссийский Совет ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов (и его местные отделения); Союз «Чернобыль» России (Московская областная организация); ВООИ «Чернобылец»; Общество «Мемориал»; Центр охраны дикой природы; ООИ «Российская диабетическая ассоциация»; региональные общественные объединения (Комитет единых действий г. Воронежа; Совет общественной солидарности г. Астрахани), многочисленные профсоюзные и другие организации [15].

Среди существующего спектра движений можно выделить объединенное демократическое движение «Солидарность», стремящееся «объединить граждан, разделяющих ценности демократии, прав человека, правового государства и отрицательно настроенных по отношению к действующей власти» [16]; институт «Коллективное действие», который занимается мониторингом и анализом деятельности современных социальных и протестных движений, и ставит задачу развития социальных движений в России [17]; общероссийское движение «Альтернативы», осуществляющее поддержку различных социальных инициатив, направленных на защиту гражданских и социальных прав, общедоступного образования и т.п. [18]; общероссийская общественная организация «Гражданские силы», ориентированная на развитие гражданского общества в России [19]; общероссийское общественное движение «За права человека», объединяющее свыше 120 региональных и местных правозащитных организаций [20].

В целом, протестные движения и гражданские инициативы в настоящее время если и замечаются исследователями и академическим сообществом, то расцениваются чаще всего как малозначимые из-за их ограниченной численности, организационной слабости, неустойчивости и, по большей части, неуспешности [2].

По мнению Карин Клеман, директора института «Коллективное действие», в настоящее время в России если нельзя говорить о спаде социальных движений в целом, то очевидна стагнация. Самый проблематичный момент, по ее мнению, – торможение процесса консолидации социальных движений и инициатив. Есть исключения – города, где коалиционная деятельность продолжает развиваться. Это, например, Санкт-Петербург, где сформирована широкая гражданская коалиция против проекта газ-промовской башни. Это Астрахань, где на выборы единым фронтом шли социальные и профсоюзные движения. Это Москва, где недавно был создан общегородской Московский совет. Это еще Ижевск, где вокруг проблемы отмены льготного проездного выходят на улицы все движения местного Совета гражданских действий. Но в целом доминирует разобщенность, раздробленность, регионализация и локализация проблем и реакций на них [21].

Все же, поскольку мы имеем дело с только нарождающимся, вновь возникающим феноменом, сам по себе аргумент о малой влиятельности и малочисленности новых общественных движений и инициатив не представляется корректным. В принципе, большинству населения

и неоткуда узнавать об этих движениях и инициативах: из-за жесткого государственного контроля над телевидением и частью печатной прессы информация о них доступна главным образом в Интернете [2].

Список литературы

1. Ядов В.А., Климова С.Г., Халий И.А., Климов И.А., Кинсбургский А.В., Топалов М.Н., Клемент К.М. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корреспондент РАН М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 85–101.
2. Ворожейкина Т. Самозащита как первый шаг к солидарности // Pro et Contra. 2008. № 2–3. С. 6–23.
3. Буковский В. Я вдруг расцвел в удивительно сжатые сроки // Независимая газета. 1992. 31 янв.
4. Кабалина В.И. От имени кого, против кого, во имя каких ценностей? // СОЦИС. 1993. № 6. С. 44–56.
5. Здравомыслова Е. Социология общественных движений – становление нового исследовательского направления // Социология в России / Под. ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 545–568.
6. Монусова Г.А. Мотивы и ценности участия в демократическом движении // СОЦИС. 1993. № 6. С. 66–70.
7. Кацва А.М. Протестное движение рабочего класса // СОЦИС. 2008. № 3. С. 38–42.
8. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. М.: ИС РАН, 1996.
9. Фомичев С.Р. Зеленые: взгляд изнутри // Политические исследования. 1992. № 1. С. 238–246.

10. Temkina A. Russia in Transition: New Collective Actors and New Collective Action / Dissertation submitted for the Degree of Ph.D in the University of Helsinki, 1997.

11. Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007. 300 с.

12. Аксенова О.В., Халий И.А. Развитие общественных движений в современной России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/research/document181.shtml> (дата обращения 20.10.2009).

13. Липман М. От редактора // Pro et Contra. 2008. № 2–3. С. 2–3.

14. Крюкова Е.В. Новые социальные движения в современной России: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://club.fom.ru/books/Krukova-ps-thesis.do> (дата обращения 10.12.2009).

15. <http://www.ikd.ru/node/2155> (дата обращения 10.12.2009).

16. Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Солидарность_\(движение\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Солидарность_(движение)) (дата обращения 10.12.2009).

17. <http://www.ikd.ru/> (дата обращения 10.12.2009).

18. <http://alternativy.ru/> (дата обращения 10.12.2009).

19. <http://gr-sila.ru/joomla/index.php/2009-07-28-18-48-52> (дата обращения 12.12.2009).

20. <http://www.zaprava.ru/content/view/12/26/> (12.12.2009).

21. Итоги конференции СКС в Перми [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leftfront.ru/48E5438F90F59/4B0E83E6921B5.html> (дата обращения 12.12.2009).

INSTITUTIONALIZATION OF RUSSIAN SOCIAL MOVEMENTS IN LATE SOVIET (PERESTROIKA) AND POST-SOVIET PERIOD

P.A. Seleznev

The making of wide range of social movements in Russia ranging from the perestroika period was studied, social movements' institutionalization process was characterized and the general appreciation of their activity was shown.

Keywords: institutionalization, social movements, civil initiatives.